

Перькова, Горожанкина, 2014 – *Перькова М. В., Горожанкина А. С.* Образ города: определение понятия и структуры // Научные технологии и инновации. Юбилейная Международная научно-практическая конференция, посвященная 60-летию БГТУ им. В.Г. Шухова, XXI научные чтения. Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. 2014. С. 102–106.

Ушаков, 2022 – *Ушаков Ф. В.* Образ города во французском экспериментальном кино 1970-х гг.: «человек, который спит» Жоржа Перека // Артикульт. 2022. № 3 (47). С. 56–66.

Ширяева, Водопьянова, 2022 – *Ширяева Ж. Л., Водопьянова Л. А.* Образ города в мировой литературе // Актуальные вопросы межкультурной коммуникации и зарубежной литературы. Сборник научных статей по материалам XXXII Международной научно-практической конференции. Отв. редакторы Н.В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. Чебоксары, 2022. С. 377–381.

Щербинина, 2011 – *Щербинина Н. Г.* Образ города как символический конструкт // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2011. № 3 (15). С. 41–52.

УДК 316.43

Вершинина И.А.,

доктор социологических наук, доцент, профессор департамента социологии, Финансовый университет при Правительстве РФ; доцент кафедры современной социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Полякова Н.Л.,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры современной социологии, МГУ имени М.В. Ломоносова.

Проекты будущего Москвы: архитектурные дебаты 1920–1930-х годов

DOI: 10.33979/2587-7534-2023-4-30-44

В данной статье выделяются основные этапы развития Москвы в качестве столицы советского, а позднее и российского государства. Особое внимание уделяется 1920–1930-м годам, то есть тому периоду, когда обсуждались различные стратегии будущего города. Модернизация Москвы была направлена не только на решение социальных проблем, но и на реализацию символической функции. Советская столица должна была стать репрезентацией новой страницы в истории города и страны. Период экспериментов и смелых проектов будущего был завершён в 1935 году утверждением Генерального плана, где были зафиксированы основные приоритеты развития Москвы.

Ключевые слова: *урбанизация, модернизация, Москва, город будущего, социалистический город.*

Vershinina I.A.,

Doctor of Sociology, Docent, Professor of Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation; Associate professor of Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Polyakova N.L.,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University.

Projects for the future of Moscow: architectural debates of the 1920s –1930s

This article highlights the main stages in the development of Moscow as the capital of the Soviet and later Russian state. Particular attention is paid to the 1920-1930s, that is, the period when various strategies for the future of the city were discussed. The modernization of Moscow was aimed not only at solving social problems, but also at implementing a symbolic function. The Soviet capital was supposed to represent a new era in the history of the city and country. The period of experiments and different projects for the future was completed in 1935 with the approval of the General Plan, which set out the main priorities for the development of Moscow.

Keywords: *urbanization, modernization, Moscow, city of the future, socialist city.*

«Город будущего» – это концепция и дискурс, которые совсем недавно вошли в сферу социологической науки. Ранее эта тема осмыслялась в социальной и религиозной философии, в литературе в модусе утопии, содержащей изображение желаемого справедливого социального состояния, а также социальных преобразований, ведущих к воплощению этого идеала в жизнь. Богатейшая история идей, созданная в рамках этой традиции мысли, до последнего времени не находила концептуального отражения в социологии.

Исследования «города будущего», как и современные концептуализации «будущего», появились в современной социологии в связи с теориями модернизации, глобализации и постмодернистским теоретическим дискурсом. В рамках этих исследований урбанистическая проблематика заняла одно из центральных мест, а понятие «город будущего» стало серьезным аналитическим нововведением.

«Города будущего» появляются в переломные эпохи развития общества и государства. Эти города очевидным образом призваны указать на новизну происходящего, зафиксировать смысл и основные направления изменения.

В этих городах формируются новые социальные «разломы», новое неравенство, новые системы управления, образования, новое потребление. Они

демонстрируют новую визуальность, новую архитектуру, новую моду, новый стиль жизни. В этих городах оформляется «новая жизнь», которая, как правило, создается на основе нового социального проекта. «Город будущего» всегда несет вполне определенную социальную идею, и в этом плане всегда содержит элементы утопии и метафоры, которые находят в нем свое материальное воплощение.

Таких городов немало. В России мы встречаемся, по крайней мере, с двумя. Это Санкт-Петербург эпохи Петровской модернизации XVIII века и Москва, получившая статус столицы нового социалистического государства в 1918 году и начавшая с этого времени реализовывать задачи большевистской модернизации.

На протяжении всего XX века, начиная с 1918 года, Москва представляла как «город будущего», в котором различными элитами реализовывались и корректировались исторически различающиеся социальные проекты. Эти элиты и их социальные проекты вкупе с реальными историческими событиями и трансформациями и определили соответствующее развитие и направление модернизации Москвы как «города будущего».

Есть много общего между этими двумя «городами будущего», но и многое их различает.

Оба города явились столицами российского государства и соответственно должны были осуществлять функции управления, «представительства», политического, идеологического, культурного и образовательного центров. Оба города были центрами размещения и жизни элит – политической, административной, военной и культурной. Оба означали эпохальный перелом в истории страны.

Петербург изначально создавался на основе нового социального и государственного проекта новой модернизирующейся Петровской России как центр и столица Российской империи. Этот город заявил о себе и о России в целом как о части Европейского мира.

Москва начала вторую историю в качестве столицы в 1918 году. Эта ее «новая история» унаследовала «старое место», его население, традицию и стиль жизни, архитектуру, планировку и территориальное социальное расселение. Эта московская «старина» должна была быть «переварена» и трансформирована, ее должен был поглотить проект «Новой Москвы», который определил и новое содержание, и направление развития Москвы в первый период ее большевистской модернизации.

В истории модернизации Москвы в XX–XXI веках можно выделить три социально-трансформационных периода и соответственно три модернизационных проекта.

Первый период – это период 1918–1953 годов. Он связан с фундаментальными революционными преобразованиями общества и государства, созданием Новой Москвы и как столицы первого в мире социалистического государства и общества, и как «мировой коммунистической столицы».

Москва, в соответствии с планами большевистского правительства, переехавшего в «старую» Москву, должна была стать образцом «монументальной пропаганды» нового общества. Постановка этих задач и разработка плана «Новой Москвы» начались уже в самом начале 1918 года.

Второй период в истории развития Москвы в XX веке – это период 1953–1982 годов. Проект был заложен Н.С. Хрущевым. В этот период Москва резко меняет свой облик по сравнению со сталинской Москвой. Москва 1953–1982 годов утрачивает былые черты помпезности и ярко выраженной идеологической направленности в архитектуре общественных мест и зданий. Вместе с тем, в городе активно развивается гражданское строительство «эконом класса», демократизируются общественные места и их архитектура. Москва демонстрирует ориентацию на новые цели – массовое общество, массовое потребление, стиль жизни среднего класса. Однако во второй половине 1980-х годов стало очевидно, что этот проект не состоялся в социологическом смысле слова. Тотальный дефицит стал одной из причин драматических трансформаций 1990-х годов.

В 2000-х начинается новый период в истории Москвы, связанный с ее выходом из драмы 1990-х. Новая модернизация Москвы, осуществляемая на основе нового социального проекта, резко отличается от предшествующих проектов. Москва из «мировой коммунистической столицы» превратилась в современный глобальный город, сохраняющий при этом демократическую направленность в своей социальной и градостроительной политике.

Данная статья, в силу ее возможного объема, а также в силу специфики проблемы, посвящена анализу только 1920–1930-х годов. Это время динамичной модернизации не только советской столицы, но и страны в целом, когда предлагалось множество проектов Москвы как «города будущего».

По мнению большинства современных специалистов, СССР в вопросах архитектуры и градостроительства лидировал в 1920-е – 1930-е годы. В практике советского градостроительства участвовали крупнейшие архитекторы-авангардисты эпохи: Ле Корбюзье, Наум Габо, советские архитекторы, такие как Николай Милютин, автор работы «Соцгород» (1930) [Милютин, 1930], Иван Леонидов, работавший в Нижнем Новгороде и Магнитогорске, а также Андрей Буров, проектировавший соцгородок в Челябинске. Проект А. Булова, например, создавался на основе идеи «коммуны», или «жилищного комбината». Индивидуальное жилье в соцгородке дополнялось общественным сектором: столовой, предприятиями бытового обслуживания, развлекательными заведениями, банно-прачечными комбинатами, рабочей школой, кинотеатром. Через все проекты социалистического города устойчиво проходит идея об освобождении женщины от «домашнего рабства».

Проекты, создаваемые в рамках концепций «соцгородка», включали развитую структуру образовательных организаций – школ, институтов, профессиональных техникумов, задача которых состояла в создании массовой группы инженеров, педагогов, техников, врачей, медицинских работников самого разного профиля. Инженерные и технические специалисты, медики,

педагоги стали главными группами, на которые было обращено внимание в рамках образовательной системы. Не менее значимой оказалась спортивная инфраструктура, ориентированная на создание массового спорта.

В 1930-х годах конструктивизм был вытеснен сталинским неоклассицизмом. Архитектурный стиль сменился, однако в социальных принципах и целях градостроения практического изменения не произошло. Город выполнял те же функции, которые ему были предписаны ранее. Он рассматривался как цивилизационный центр промышленного региона, как центр политического и идеологического контроля и управления, образования и культуры с соответствующей системой школ, техникумов, институтов и университетов, кинотеатров и театров, спортивных стадионов и спортивных мероприятий. Не изменились и принципы градостроения. Речь шла о комплексном и системном освоении пространства, включающем построение многоквартирных домов и создание бытовой, транспортной, образовательной и культурной инфраструктуры.

Советский проект урбанизации во многом демонстрировал желание кардинального разрыва с прошлым, что нашло свое отражение в градостроительных дискуссиях и смелых экспериментах 1920-х и начала 1930-х годов [Вершинина, Полякова, 2023]. У тогда еще совсем молодой советской власти не было цели сохранить какое-либо культурное наследие, более того, его безжалостно уничтожали. Полемизируя с Ле Корбюзье, М.Я. Гинзбург писал: «Вы превосходнейший хирург современного города... Вы делаете великолепные сады на крышах многоэтажных домов, желая подарить людям лишнюю толику зелени, вы создаете очаровательные особняки, давая обитателям их идеальные удобства, покой и комфорт. Но все это вы делаете потому, что вы хотите лечить город, пытаетесь его сохранить по существу таким, каким его создал капитализм. Мы здесь, в СССР, находимся в более благоприятных условиях: нас не связывает прошлое... Мы ставим диагноз современному городу. Мы говорим: да, он болен, смертельно болен. Но лечить его мы не хотим. Мы предпочитаем его уничтожить и хотим начать работу над созданием нового вида человеческого расселения, которое было бы лишено внутренних противоречий» [Ушакин, 2011: 11]. Символы прошлой эпохи должны были освободить место новым, поскольку, по словам Л. Мамфорда, смена исторических периодов предполагает неизбежную реконструкцию городского пространства [Mumford, 1970: 207–209].

Как отмечают отечественные исследователи, многие западные архитекторы того времени воспринимали СССР как страну архитектурного будущего, более того, «отмена частной собственности на землю воспринималась как освобождение градостроительства от оков капиталистического земельного права, как предпосылка реализации заветной мечты – возможности осуществлять градостроительные программы и строить новые города, не оглядываясь на границы частных участков» [Меерович, Хмельницкий, 2006]. В СССР появились и свои выдающиеся архитекторы: Моисей Яковлевич Гинзбург, Константин Степанович Мельников, Алексей Викторович Щусев, братья Леонид Александрович, Виктор Александрович и

Александр Александрович Веснины и другие. Тем не менее, вклад советского градостроения в мировую архитектуру оказался значительно меньше, чем политическое значение СССР в XX веке. Одним из самых значимых результатов архитектурных преобразований становится реконструкция Москвы и ее превращение в столицу мирового пролетариата. Вместе с тем необходимо отметить, что преобразование городского пространства Москвы осуществляется неоднородно и непоследовательно.

Й. Терборн полагает, что лучше всего приоритеты государственной политики в области урбанизации отражают столицы, являющиеся пространствами концентрации капитала и власти [Интервью, 2013: 18]. Именно столицы – это те символические пространства, которые будучи центрами политической власти во многом репрезентируют историю городов и государств. Неудивительно, что советское правительство начинает реализацию своего проекта урбанизации с Москвы, траектории развития которой обсуждались на протяжении почти двух десятилетий. Перенос столицы в Москву символизирует своеобразный разрыв с имперской Россией и дает возможность для формирования новой идентичности, в том числе и на основе архитектурных и монументальных практик, репрезентирующих и манифестирующих идеи новой власти. Как демонстрирует Й. Терборн, это типичная ситуация в условиях выстраивания новой государственности, когда именно столица становится полигоном для выстраивания новой идентичности и апробирования архитектурных инноваций [Therborn, 2017: 9].

Москва как столица национального государства получает свой статус столицы достаточно поздно. 11 марта 1918 г. Советское правительство переехало из Петрограда в Москву. Москва стала столицей первоначально фактически на основе «Извещения о переезде в Москву», подписанного 12 марта 1918 года В. Бонч-Бруевичем, а затем 30 декабря 1922 г. на 1-ом Всесоюзном съезде Советов, когда был образован СССР, она становится столицей советского государства.

С этого времени Москва является политическим, государственно-административным, культурным, научным, а также промышленным центром. По известному выражению, «ситцевая Москва» уходит в прошлое и на ее месте появляется Москва-индустриальная. Но не только. Как центр нового государства Москва централизует и стягивает на себя все управленческие, идеологические и символические функции [Вершинина, Полякова, 2014]. Она начинает развиваться небывалыми темпами, используя волю и возможности этого государства и выступая его репрезентантом как внутри страны, так и для внешнего мира: «Москва ... должна была стать местом демонстрации достижений нового режима, городом, обитатели которого в повседневной жизни смогут ощутить на себе светлое коммунистическое будущее, а также коммунистической Меккой для зарубежных пилигримов» [Берендс, 2015: 19]. Столица всегда выполняет идеологическую функцию, но в СССР она была гипертрофирована, поскольку, реконструируя Москву, советская власть создавала новую идентичность молодого государства. Более того, ставилась амбициозная задача по строительству города, который в перспективе мог бы

обрести мировое значение, став символом коммунизма и, возможно, столицей не только СССР, но и всего мирового пролетариата.

На протяжении всего десятилетия двадцатых годов в политических и архитектурных кругах велась активная дискуссия относительно урбанистического и архитектурного облика Москвы как столицы первого в мире социалистического государства многомиллионного «восходящего класса».

Эти дискуссии проходили на фоне усложняющейся ситуации в Москве – неконтролируемого роста населения, жилищной и транспортной проблем, проблем размещения индустриальных производств, а также проблем совмещения исторического наследия и создания нового в идеологическом и урбанистическом отношении облика города.

Москва в 1920-е годы стала своеобразным полигоном для апробации разных моделей развития городов: была реализована попытка строительства города-сада, появились рабочие поселки, в течение непродолжительного периода времени большие надежды возлагались на дома-коммуны. Один из первых экспериментальных проектов – строительство так называемого поселка художников «Сокол», которое началось в 1923 году. Это попытка создания города-сада, концепция которого стала популярна на рубеже XIX–XX веков после публикации работ Э. Говарда, настаивавшего на том, что город должен одновременно сочетать все преимущества урбанистической среды (рабочие места, возможности организации досуга и т. д.) и сельской местности (свежий воздух, зеленые пространства и т. д.). Кроме того, он полагал, что города-сады в силу своего относительно небольшого размера смогут способствовать созданию той формы социальной организации, где важнейшие вопросы решаются на общих собраниях, что позволит создать модель общественного самоуправления.

Концепция Э. Говарда, согласно которой человеку необходимо возвращение в более привычную для него среду обитания, что как раз и обеспечивается созданием «городов-садов», расположенных в непосредственной близости от промышленных центров с рабочими местами [Howard, 1902], рассматривалась как одна из возможных стратегий урбанизации в разных странах, в том числе и в СССР. Тем не менее она не получила широкого распространения, поскольку требовала значительных площадей, что стало довольно сложным после начала стремительного роста численности населения. Высокие затраты на строительство городов-садов и необходимой для их нормального функционирования транспортной инфраструктуры также не способствовали росту их популярности, поскольку подобные проекты не способствовали быстрому решению жилищного вопроса.

Кроме того, в СССР поселок «Сокол» и подобные ему продемонстрировали, что подобный подход к градостроительству противоречил ряду ценностей, которые были значимы для советского общества. Несмотря на коллективное решение ключевых вопросов на общих собраниях, строительство домов по индивидуальным проектам и наличие при каждом из них огороженной территории не способствовали формированию

коллективизма, а наоборот, поощряли возвращение к «буржуазным ценностям», от которых в СССР стремились избавиться.

Рис.1. Поселок Сокол. Источник изображения: <https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&lr=213&source=related-duck&text=%D0%9F%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BA%20%D0%A1%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%201930> (дата обращения 14.11.2023)

Соответственно, было принято решение о том, что дома коттеджного типа являются абсолютно недопустимыми для советского общества, которое идеологически и практически борется с индивидуальным, обособленным бытом [Меерович, 2013: 6]. Поэтому поселок «Сокол», существующий до сих пор и не похожий ни на один другой район Москвы, представляет собой один из немногих примеров реализации концепции города-сада Э. Говарда, которая прошла свою апробацию и на советском стремительно урбанизовавшемся пространстве.

Другой проект – дома-коммуны – гораздо лучше отражал те ценности, которые новая власть хотела сформировать у советского человека. Объединение современных архитекторов (ОСА) – общественная организация, возникшая в 1926 году (ее преемником впоследствии стал Союз советских архитекторов), придерживалось точки зрения, согласно которой «квартира является материальной формой мелкобуржуазной идеологии», что

способствует формированию у человека «индивидуалистическо-собственнических навыков» [Тезисы, 1929: 121]. В 1929 году ОСА объявило о начале социалистического соревнования на жилье, целью которого была выработка проекта нового жилья, максимально соответствующего всем социально-политическим и экономическим требованиям нового общества. К участию в этом соревновании приглашались все архитектурные организации СССР.

Идея дома, обитатели которого совместно занимались решением бытовых вопросов, появилась в XIX веке и связывается с именами социалистов-утопистов. Однако наибольшее воплощение она получила только в XX веке – создатели молодого советского государства увидели в этом возможность максимально приблизить жизнь его обитателей к коммунистическому идеалу, предполагавшему минимизацию в ней приватности и подчинению ее жесткой функциональной логике. Дом рассматривался как «машина для жилья» (известный тезис Ле Корбюзье), основанная на принципах четкого дифференцирования бытовых и производственных процессов и их максимальной коллективизации. Выражение этого принципа в архитектурных формах стало возможным благодаря торжеству конструктивистского стиля, в наибольшей степени отвечавшего ему.

На смену отдельным домам и квартирам должны были прийти «спальные кабины» в домах-коммунах, а решение всего комплекса бытовых вопросов возлагалось на централизованные службы, в то время как для повседневной жизни их обитателей создавались общественные зоны, вне пределов которых ее просто не было. Однако не все советские граждане готовы были отказаться от частной жизни, а возможности молодого государства по обеспечению коллективного быта в домах-коммунах были не столь велики, как это представлялось их создателям. Фактически, новые архитектурные решения в замаскированной форме воспроизводили те психологические характеристики их обитателей, которые должны были уйти в прошлое вместе с «буржуазными» особняками и многоквартирными домами.

Показательно, что даже в доме-коммуне на Гоголевском бульваре в Москве для архитекторов был построен отдельный блок с полноценными квартирами, никак не отвечавшими принципам нового жилищного строительства. Эти обстоятельства привели к тому, что в 1930 году специальным постановлением ЦК ВКП(б) «О работе по перестройке быта» строительство домов-коммун было остановлено, а сами архитектурные решения такого типа были объявлены ошибочными, утопическими по своей сути [О работе, 1984: 118–119]. Тем не менее, сохранившиеся до сих пор дома-коммуны являются памятниками архитектуры, напоминающими о смелых экспериментах 1920-х годов.

В итоге оптимальной моделью жилых районов в советских городах были признаны так называемые рабочие поселки. Необходимо отметить, что именно концепция рабочего поселка стала основой для последующей разработки проектов социалистического города. Специфика рабочего поселка заключается в том, что его создание и функционирование полностью детерминируется

потребностями промышленного предприятия. Так, в СССР уже в 1920-е годы формируется социально-управленческая парадигма рабочих поселений, которая неразрывно связана со строительством, расширением или реконструкцией градообразующих производственных объектов [Меерович, 2013: 7]. Согласно данной концепции, промышленное предприятие становится не только «заказчиком» строительства жилья, но и центром общественной и культурной жизни рабочих, а также членов их семей. Итак, именно рабочий поселок становится основой советской градостроительной политики еще до начала индустриализации и может рассматриваться как прообраз моногородов, появившихся в большом количестве немного позднее.

Следует, однако, отметить, что далеко не все города, выросшие для обеспечения нужд промышленных предприятий, остались монофункциональными. Многие изначально преимущественно индустриальные центры постепенно превращались в многофункциональные города, «обрастая» научными учреждениями, проектно-конструкторскими бюро, учебными заведениями, создавая театры, дома культуры, музеи, библиотеки, поскольку развитие социальной сферы и жилищно-коммунальное строительство финансировалось через промышленные предприятия» [Лаппо, Полян, 1999: 36]. Такой путь прошли, к примеру, Иваново, Новокузнецк и Тольятти; некоторые города стали еще и областными центрами (Брянск, Волгоград, Курган, Липецк, Тюмень, Челябинск и другие), что также неизбежно вело к расширению их функционала.

В Москве первые рабочие поселки появляются уже в 1926–1928 годах (Дубровка, Усачевка и другие) и задают основные детерминанты жилищного строительства для вступающего на путь индустриализации Советского Союза. То обстоятельство, что именно строительство рабочих поселков было выбрано основой советской урбанизации, во многом стало причиной медленной адаптации новых горожан к городской культуре и городскому образу жизни. Специфика советской урбанизации заключалась в ее двойственном характере – она была «радикальной в одних отношениях (рост и концентрация городского населения) и консервативной в других (адаптация сельских жителей к городской среде)» [Пивоваров, 2010: 230]. Так, урбанизация, то есть процесс переселения людей из сельской местности в города, а также процесс расширения городов и поглощения ими новых районов, не сопровождалась формированием городского образа жизни, который Л. Вирт назвал урбанизмом [Вирт, 2005]. Урбанизм представляет собой социокультурные последствия жизни в городской среде: изменение системы ценностей, привычек, обычаев, моделей поведения и так далее.

Однако даже Москва на рубеже 1926–1927 годов во многом была «сельской», по крайней мере именно такой в это время ее увидел В. Беньямин: «У московских улиц есть одна своеобразная особенность: в них прячется русская деревня» [Беньямин, 1996: 201]. Так, в СССР разрыв между урбанизацией и формированием городского образа жизни и свойственной ему культуры был довольно значителен, многие горожане по своему месту жительства по-прежнему демонстрировали во многом сельское поведение, то

есть фактически имела место «крестьянизация» городов. Как отмечает Ю.Л. Пивоваров, многие города, даже крупные, «нередко сохраняли исторически сложившийся “поселковый” характер, ибо они формировались как сумма рабочих поселков при своих предприятиях. Всё это резко снижало качество городской среды, консервировало поселковость, “слободизацию” городского расселения» [Пивоваров, 2010: 234].

Рис. 2. Москва. Рабочий поселок "Усачевка". Источник:

[https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&](https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Flookaside.fbsbx.com%2Flookaside%2Fcrawler%2Fmedia%2F%3Fmedia_id%3D1256301277867957&lr=213&pos=1&rpt=simage&text=%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%81%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D0%B0)

[img_url=https%3A%2F%2Flookaside.fbsbx.com%2Flookaside%2Fcrawler%2Fmedia%2F%3Fmedia_id%3D1256301277867957&lr=213&pos=1&rpt=simage&text=%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%81%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D0%B0](https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Flookaside.fbsbx.com%2Flookaside%2Fcrawler%2Fmedia%2F%3Fmedia_id%3D1256301277867957&lr=213&pos=1&rpt=simage&text=%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%BE%D1%87%D0%B8%D0%B9%20%D0%BF%D0%BE%D1%81%D0%B5%D0%BB%D0%BE%D0%BA%20%D1%83%D1%81%D0%B0%D1%87%D0%B5%D0%B2%D0%BA%D0%B0) (дата обращения 14.11.2023)

Модернизация Москвы долгое время осложнялась не только существованием нескольких альтернативных проектов ее развития, но и отсутствием общей стратегии преобразования города. Создание Новой Москвы началось как часть общего процесса революционного обновления жизни, да еще и в ситуации отсутствия современного законодательства, регулирующего развитие городов. На этом фоне российский «социальный пожар» вызвал к жизни невиданный всплеск градостроительной мысли и создал предпосылки к подлинно новаторскому преобразованию городской среды» [Чекмарев, 2013: 5]. Градостроительные проекты по комплексному преобразованию Москвы укладываются в три последовательно сменявших друг друга этапов. В.М. Чекмарев указывает, что первым и самым ранним был щусевско-шестаковский этап. Он просуществовал до конца 1920-х годов и был сменен

кратким, но многообразным вторым этапом 1929–1931 годов. Третий, семеновский этап, заявил о себе в 1932 году. Он кардинально отличался от первых двух своей целостностью и прикладной направленностью [Чекмарев, 2013: 5].

Организационная работа по созданию градостроительного плана Новой Москвы осуществлялась на базе специальной архитектурной мастерской, возникшей в структуре строительного отдела Моссовета в 1918 году, которая в 1922 году была преобразована в «Особую учетную комиссию», получившую название «Новая Москва». Первоначально во главе процесса стояли А.В. Щусев и И.В. Жолтовский. В 1925 году разработка генплана перешла в руки С.С. Шестакова, который продолжил работу в русле идей А.В. Щусева.

Общий идейный фон, на котором шло общественное обсуждение градостроительных планов, включал отношение к истории и традиции, проблемы сохранения исторического наследия, и как результат – развитие города за счет пригородов с благоустроенными поселками. Сохранность исторического центра устойчивым образом воспроизводилась в проектах и А.В. Щусева, и С.С. Шестакова.

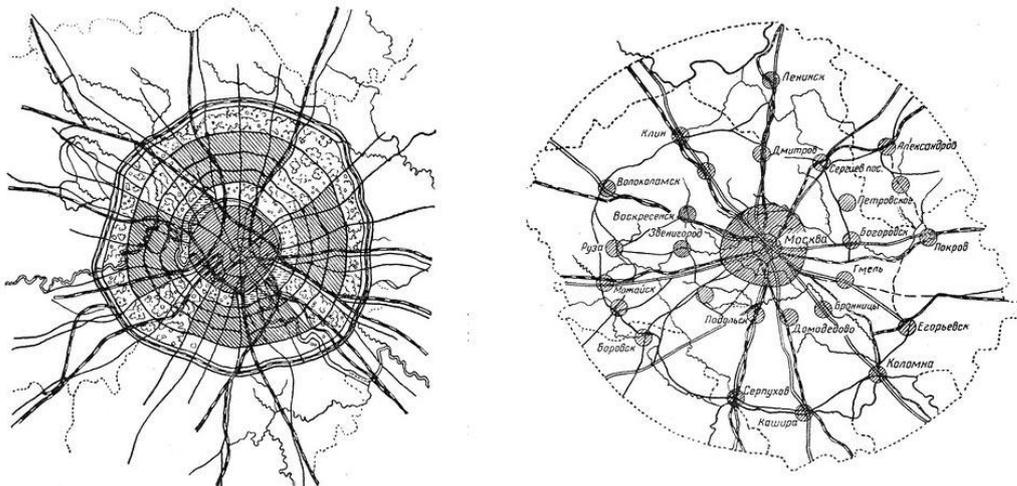

Рис. 3. Проект «Большая Москва». План С. Шестакова. Источник:

https://yandex.ru/images/search?from=tabbar&img_url=https%3A%2F%2Fwww.inliberty.ru%2Fwp-content%2Fuploads%2Fshestakov.jpg&lr=213&pos=2&rpt=simage&text=%D1%81%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9%20%D1%88%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%B2%20%D0%B1%D0%BE%D0%BB%D1%8C%D1%88%D0%B0%20%D1%8F%20%D0%BC%D0%BE%D1%81%D0%BA%D0%B2%D0%B0 (дата обращения 14.11.2023)

Критика этих проектов выглядела следующим образом: «Схема «Большой Москвы» Шестакова буржуазна по системе магистралей, по классовой структуре города, по установкам на беспланный (стихийный) беспредельный рост» [Чекмарев, 2013: 10]. План С.С. Шестакова рассматривался как эклектическое соединение системы «расширения города – старой школы по постройке городов – с новейшей системой «городов-спутников» [Чекмарев, 2013: 13]. Но самым слабым местом считалась схема городской сети движения транспорта и прокладки городских улиц.

В 1931–1932 годах наметился критический подход в градостроительной политике. Была отмечена неадекватность следования западным градостроительным образцам, критиковалась новая застройка, которая вышла далеко за муниципальные границы и не подлежит городскому московскому

регулированию, стихийный рост московского населения (150 тыс. чел. в год), а также схемы расселения, укорененные в идеологических представлениях 1920-х годов (концентрация населения в домах-коммунах, обобществление быта, питания, жилья, воспитания детей, запрет на индивидуальное приготовление пищи и т.п.). Все это стало рассматриваться как вредные, утопические начинания, не учитывающие неподготовленность к ним населения и ведущие к дискредитации идеи социалистического переустройства быта (Постановление ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта» от 16 мая 1930 года).

Первая половина 1930-х годов стала временем организационного и концептуального вызревания Генерального плана развития Москвы 1935 года.

Июньский пленум 1931 года ЦК ВКП (б) поставил вопрос о подведении черты под «левым» и «правым» уклоном в градостроительном эксперименте, не соответствующем реалиям жизни. На пленуме было выдвинуто требование ограничения роста московского населения (5 млн. чел.), принято решение о строительстве канала «Москва-Волга», решающего проблему водоснабжения Москвы, ограничения роста новых предприятий.

Принятое в 1932 году решение ЦК ВКП (б) о перестройке литературно-художественных организаций способствовало образованию единого профессионального Союза советских архитекторов СССР, обеспечивающего проведение единой линии в разработке Генерального плана Москвы 1935 года. Созданным Моссоветом «Архитектурно-планировочным управлением» с 1932 по 1934 годы руководил главный архитектор Москвы В. Семенов [Чекмарев, 2013], который критично относился к предшествующим планам переустройства Москвы и предложил свое видение целостного градостроительного плана развития Москвы.

Этот план в полной мере соответствовал основным требованиям, выдвинутым Л.М. Кагановичем на Пленуме Моссовета 16 июля 1934 года. Среди этих требований:

- борьба со стихийной застройкой;
- плановое строительство;
- урбанизм (не западный, но и не «Москва – большая деревня»);
- многоэтажные дома, обеспеченные коммунальными услугами;
- новые набережные Москвы;
- крупные парковые массивы;
- расширение улиц, площадей, главных магистралей;
- красота постройки, архитектурное оформление домов, их удобство;
- метрополитен, гранитные набережные Москвы-реки, канал Москва-Волга.

Реализация этих требований должна была сделать Москву образцовым социалистическим городом, «мировой коммунистической столицей». 10 июля 1935 года план был утвержден. Он предполагал «сохранение основ исторически сложившегося города, но с коренной перепланировкой его путем решительного упорядочения сети городских улиц и площадей. Важнейшими

условиями этой перепланировки являлись: правильное размещение жилых домов, промышленности, железнодорожного транспорта и складского хозяйства, обводнение города, разуплотнение и правильная организация жилых кварталов с созданием нормальных, здоровых условий жизни населения города» [Советская, 1966: 719–720]. Все эти задачи были ориентированы на одну главную цель: «Москва должна перестать быть «большой деревней» и стать образцовым социалистическим городом пролетарского государства».

Впервые в истории «победивший пролетариат» перестраивал в интересах трудящихся крупнейший мировой город на основе точно разработанного плана. Город впервые «стал рассматриваться как целостный организм с единым идейным содержанием и единой композицией, чему были подчинены все составные его элементы (улицы, площади, кварталы)... На состоявшемся Пленуме Моссовета от 16 июля 1934 года лидер столичных коммунистов Л.М. Каганович неоднократно подчеркивал личный вклад Сталина в разработку генплана столицы» [Чекмарев, 2013: 30–31]. План получил название «сталинского», а Москва стала представлять не просто как столица СССР, а как «красная столица Советской страны, где бьется горячее сердце мировой революции... Революционные борцы всего мира видят в красной Москве столицу своей социалистической родины». Вся архитектурная символика сталинской Москвы была нацелена на реализацию этого понимания столицы.

Реализовать план реконструкции Москвы 1935 года полностью не удалось, хотя были достигнуты серьезные успехи: возник и оформился новый облик Москвы как столичного города с его архитектурой, символикой и функционалом.

Список литературы

Беньямин, 1996 – *Беньямин В.* Москва // *Беньямин В.* Произведение искусства в эпоху его технической воспроизводимости: Избранные эссе. М.: Медиум. 1996.

Берендс, 2015 – *Берендс Я.К.* Строительство новой Москвы: меняющийся символ советской модерности // Новое литературное обозрение. 2015. № 3 (133).

Вершинина, Полякова, 2014 – *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Москва: столица – глобальный город – агломерация // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. 2014. № 4.

Вершинина, Полякова, 2023 – *Вершинина И.А., Полякова Н.Л.* Урбанизация в СССР как составляющая общего процесса модернизации страны // Москва-Пекин. Сборник к столетию образования Союза ССР / под ред. Чэн Эньфу, Н.Г. Осиповой. М.: Родина, 2023.

Вирт, 2005 – *Вирт Л.* Урбанизм как образ жизни // Вирт Л. Избранные работы по социологии. М.: ИНИОН РАН, 2005.

Интервью, 2013 – Интервью с профессором Йораном Терборном // Журнал социологии и социальной антропологии. 2013. № 1.

Лаппо, Полян, 1999 – *Лаппо Г.М., Полян П.М.* Результаты урбанизации в России к концу XX века // Мир России. Социология. Этнология. 1999. № 4.

Меерович, 2013 – *Меерович М. Г.* Советский рабочий поселок основной элемент государственной градостроительной политики 1921–1927 гг. // Вестник ЮУрГУ. Серия: Строительство и архитектура. 2013. № 2.

Меерович, Хмельницкий, 2006 – *Меерович М. Г., Хмельницкий Д. С.* Иностранные архитекторы в борьбе за советскую индустриализацию // Мир истории (электронный журнал). 2006. № 1. URL: <http://www.historia.ru/2006/01/perelom.htm> (дата обращения: 09.10.2023).

Милютин, 1930 – *Милютин Н.* Соцгород. Проблема строительства социалистических городов. Основные проблемы рациональной планировки и строительства населенных мест СССР. М., 1930.

О работе, 1984 – *О работе по перестройке быта.* Постановление ЦК ВКП (б) // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898 – 1986). Т. 5. 1929 – 1932. М., 1984.

Пивоваров, 2010 – *Пивоваров Ю.Л.* Урбанизация России в XX веке: идеалы и реальность // География мирового развития: Сборник научных трудов / под ред. Л.М. Синцера. М.: Общество с ограниченной ответственностью Товарищество научных изданий КМК, 2010.

Советская, 1966 – Советская историческая энциклопедия. М., 1966.

Тезисы, 1929 – *Тезисы по жилью* // Современная архитектура. 1929. №4.

Ушакин, 2011 – *Ушакин С.А.* Отстраивая историю: советское прошлое сегодня // Неприкосновенный запас. 2011. № 6 (80).

Чекмарев, 2013 – *Чекмарев В.М.* Сталинская Москва: становление градостроительной темы «мировой коммунистической столицы». М., 2013.

Howard, 1902 – *Howard E.* Garden Cities of To-Morrow. London: Swan Sonnenschein & Co. Ltd., 1902.

Mumford, 1970 – *Mumford L.* The Culture of Cities. San Diego, New York, London: Harcourt Brace Jovanovich, 1970.

Therborn, 2017 – *Therborn G.* Cities of Power: The Urban, The National, The Popular, The Global London: Verso, 2017.